

Мархинин Василий Васильевич**Markhinin Vasily Vasilyevich**

кандидат философских наук,
доцент кафедры политико-правовых дисциплин
Сургутского государственного университета

PhD, Associate Professor,
Department of Political Science and Law,
Surgut State University

Ушакова Надежда Владимировна**Ushakova Nadezhda Vladimirovna**

кандидат исторических наук,
доцент кафедры политико-правовых дисциплин
Сургутского государственного университета

PhD in History, Associate Professor,
Department of Political Science and Law,
Surgut State University

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ХМАО – ЮГРЕ: ТОЧКИ НАПРЯЖЕНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ГАРМОНИЗАЦИИ [1]

INTERETHNIC AND INTERCONFESSIONAL RELATIONS IN THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA: TENSIONS AND PREREQUISITES FOR HARMONIZATION [1]

Аннотация:

Статья посвящена проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Анализируются общественное мнение и оценки экспертного сообщества по вопросам взаимоотношений православия и ислама, представления граждан о роли духовенства в общественной жизни их населенных пунктов. Рассматриваются риски распространения идей религиозного фундаментализма, изучаются конфликтогенные факторы во взаимоотношениях принимающего сообщества и мигрантов, особенности восприятия отдельных религиозных общин, действующих на территории округа. Исследуется роль различных общественных институтов (средства массовой информации, национально-культурные организации, религиозные общины, система образования, местное самоуправление) в формировании благоприятных и неблагоприятных факторов развития межэтнических и межконфессиональных отношений. Выявляются проблемы организации работы по профилактике межэтнических и межконфессиональных конфликтов органами местного самоуправления.

Ключевые слова:

межэтнические отношения, межконфессиональные отношения, межэтническая конфликтность, мигранты, молодежь, национально-культурные объединения, диаспоры, ХМАО – Югра.

Summary:

The study discusses the challenges of interethnic and interconfessional relations in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. It analyzes the views of experts on Orthodox-Islamic interaction and the opinions of citizens on the role of the clergy in the public life of their settlements. The authors consider the risks of disseminating religious fundamentalist information, the conflict-prone factors in the relationship between the host community and migrants, the attitudes of people towards particular religious communities in the region. The study examines the role of public institutions (media, ethnic and cultural institutions, religious communities, education system, local government) in creating the favorable and unfavorable environment for the development of interethnic and interconfessional relations. The paper reveals the problems of preventing the interethnic and interconfessional conflicts faced by local government.

Keywords:

interethnic relations, interconfessional relations, ethnic conflict, migrants, youth, ethnic and cultural associations, diaspora, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra.

Ханты-Мансийский автономный округ является одним из стабильно развивающихся регионов России. Особенности его становления напрямую связаны с пришлым населением в разные исторические периоды. Именно этим обусловлен интерес исследователей к изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Югре.

Ю.В. Попков пишет, что существует «зависимость миграционного притока и межэтнической напряженности от уровня экономического развития конкретного региона и его социальной привлекательности. В условиях свободной (стихийной) территориальной мобильности чем выше общий уровень благосостояния в регионе и его социальная привлекательность, тем сильнее миграционный приток и выше уровень межэтнической напряженности, обусловленной перераспределением социальных ресурсов и вытекающими отсюда ухудшением этносоциального самочувствия местного населения и восприятием мигрантов в качестве угрозы своему социальному благополучию. В нашем случае самым беспокойным в сфере межэтнических отношений оказался наиболее развитый в социально-экономическом отношении регион – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра» [2, с. 22].

А.В. Дмитриев, В.В. Воронов и Е.А. Медведева, анализируя межэтнические отношения с позиции участия диаспор и землячеств в их развитии, отмечают, что «особенностью западносибирской этнокультурной модели является отчетливая региональная конструктивистская идентификационная стратегия. С одной стороны, “здесь все неместные”. Коренные народы – местная экзотика, к которой можно прикоснуться, гордость и предмет восхищения. Ямал и Югра – их земля. Русские и другие народы на этой земле – гости. Это представление хорошо закреплено среди жителей региона. У городского населения выражены миграционные стратегии, связанные не с проблемами территории, а со сформированными практиками отъезда на “большую землю”, многие сохраняют связи с местами исхода. В то же время территорию в том качестве, в котором она существует сейчас, жители видят своей, а себя – местными, построившими города и поселки современного Севера, носителями определенной культуры.

Этнически разнородное принимающее сообщество на ментальном уровне воспринимается как “мы”, объединяющее славянские и другие и комплементарные к ним этносы (русских, украинцев, белорусов, татар, башкир), противопоставляемое “чужим” – выходцам с Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии. Разделение между “мы” и “они” для местного населения проходит не по религиозному или национальному признаку, но по границе психологического комфорта в общении, привычности. При этом прибывающие представители этнических групп в большой степени склонны идентифицировать себя как часть местного сообщества, подчеркивать близость с русскими и другими славянскими народами (связь с этническими группами выражена в большей степени, чем связь с другими группами мигрантов)» [3, с. 103–104].

В.В. Мархинин и И.В. Удалова отмечают, что «Ханты-Мансийский автономный округ – Югра является одним из наиболее миграционно привлекательных регионов и вместе с тем одним из регионов страны, в котором межнациональное согласие остается прочной опорой российской цивилизационной идентичности и государственной целостности» [4, с. 89].

Настоящая статья обобщает данные, полученные коллективом кафедры политико-правовых дисциплин СурГУ в ходе исследования межэтнических и межконфессиональных отношений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в ноябре 2017-го – мае 2018 г. Эмпирические данные, на которых базируются представленные ниже выводы, были получены в ходе серии групповых интервью (20 фокус-групп в 5 городах ХМАО). В качестве участников интервью привлекались представители многонационального населения Югры. В состав каждой из групп входило 8–10 человек. Соблюдался принцип равного представительства мужчин и женщин, и в общем случае обеспечивалась рандомизация этнического, возрастного и профессионального состава участников. Ряд групп был сформирован с учетом специфических задач исследования. Так, три интервью проводились в группах, состоящих из представителей молодежи (до 30 лет), две группы объединяли экспертов в области межэтнических и межконфессиональных отношений (чиновники профильных структур местных администраций, сотрудники правоохранительных органов, специализирующиеся на работе с изучаемым блоком проблем, представители национальных общественных организаций и религиозных общин). С учетом данных, полученных в ходе предыдущих этапов исследования [5], состав участников двух интервью был сформирован таким образом, чтобы исключить присутствие представителей народов Кавказа и Средней Азии. Этот шаг был продиктован следующими соображениями: как правило, в адрес представителей именно этих этносов звучат всевозможные претензии, связанные с «национальным вопросом». Исключая их присутствие, мы стремились создать более «благоприятные» условия для высказывания таких претензий, т. е. дать собеседникам возможность не испытывать неловкость от необходимости произносить соответствующие «обвинения» в глаза сидящему напротив собеседнику. (Впрочем, как показали проведенные нами интервью, эта мера оказалась избыточной, а тональность и содержание высказываний в таких «очищенных» группах мало отличались от прочих.)

Первая часть интервью была посвящена выявлению общей оценки многонациональности населения округа.

Многообразие этнического состава населения воспринималось участниками всех групп как закономерное явление, обусловленное особенностями истории и экономики Югры. Давая оценку этому явлению, участники интервью указывали на то, что все население округа, за исключением коренных народов Севера, было сформировано за счет приезжих из разных частей России и Советского Союза в ходе освоения природных богатств. Такое положение вещей воспринималось всеми без исключения участниками в качестве естественного. В ходе интервью ни разу не прозвучала негативная оценка многонациональности Югры, в том числе и в ситуации, когда модераторы целенаправленно предлагали найти в этом явлении негативные стороны. Все без исключения участники интервью выражали согласие с тем, что проживание на территории округа людей различных национальностей приносит пользу, обогащает культурную и общественную жизнь региона. В качестве основных компонентов многонационального населения Югры назывались русские (и

вообще славяне), татары, башкиры и выходцы с Кавказа и из Средней Азии. Коренные народы Севера упоминались в качестве важнейшего (хотя и не всегда заметного в общественной жизни) элемента культурной палитры региона, придающего Югре особый колорит. При этом участники всех интервью достаточно четко подразделяли население региона на ряд групп, отличающихся с точки зрения их «укорененности» на территории округа. «Местным населением» участники интервью были склонны называть представителей русского, украинского и вообще славянских этносов, татар, башкир. Выходцы с Кавказа и Средней Азии обобщенно рассматривались как «приезжие». Такой стереотип общественного сознания в целом соответствует реальности, отраженной в переписях населения: сколько-нибудь заметные статистические группы представителей этих этносов обнаруживаются в структуре населения не ранее рубежа XX–XXI вв. (за исключением, пожалуй, азербайджанцев, массово участвовавших в освоении нефтяных богатств Севера еще с 1970-х гг.). При этом деление на «местных» и «приезжих» участниками интервью делалось с оговоркой, что «на самом деле здесь мы все приезжие, поскольку живем на земле ханты и манси».

Отправной точкой в обсуждении вопросов межконфессиональных отношений была общая оценка респондентами ситуации. Общий настрой собеседников, как и в случае с межэтническими отношениями, во всех группах был подчеркнут благожелательным: никакой напряженности во взаимоотношениях различных конфессий нет, эти взаимоотношения строятся исключительно на началах взаимного уважения и толерантности. Тем не менее по ходу дискуссии определенные проблемы вскрывались и ситуация получала более дифференцированное освещение.

Наиболее разностороннее обсуждение темы состоялось в группе экспертов. Сформулированные в беседе с этой группой положения зафиксироваем в первую очередь.

Основным компонентом межконфессиональных отношений в Югре являются отношения между православием и исламом. (Аналогичным образом рассуждали и участники остальных интервью.) Прочие конфессии, хотя они и присутствуют на территории региона, гораздо менее заметны в повседневной общественной жизни.

На уровне духовенства отношения между исламом и православием складываются достаточно гармонично: представители обеих конфессий активно участвуют в мероприятиях, направленных на противодействие экстремизму и межнациональной розни, обращаются к своей пастве с призывами к уважительному отношению и терпимости в отношении людей иных религиозных взглядов, отзываются на соответствующие инициативы местных властей. Определенные проблемы отмечались в жизни мусульманской общины: в ряде муниципалитетов в роли настоятелей мечетей оказывались деятели с радикальными взглядами. В связи с ситуациями такого рода эксперты отмечают проблему отсутствия у местных и региональных властей правовых инструментов для противодействия действиям исламистов. В качестве факторов, осложняющих ситуацию в мусульманской общине, назывались нехватка мечетей или несоответствие их количества и качества потребностям верующих. Взаимодействие властей с мусульманской общиной осложняется наличием большого числа неформальных проповедников, выступающих с радикальных позиций, особенно из числа выходцев с территории среднеазиатских республик. Таким образом, внешне совершенно спокойная ситуация является труднопредсказуемой: всегда существует риск возникновения инцидентов на почве исламского радикализма. Место и время возникновения таких инцидентов (как, например, теракт в августе 2017 г. в Сургуте) невозможно предугадать.

Своего рода группой риска в данном случае является молодежь, которая легко становится и адресатом исламистской пропаганды, и ее транслятором. Уязвимость молодежи эксперты связывают с особенностями возрастной психологии: людям юного возраста более свойственно стремление к групповой солидарности, они чаще склонны ценить чувство сопричастности к общим для своей группы смыслам и ценностям, а также объединяться вокруг протестных настроений. В этом смысле исламистские идеологии являются для молодежи одним из привлекательных вариантов конструирования личной и групповой идентичности. Эта оценка экспертов в целом подтверждается данными, полученными в ходе интервью с группами молодежи: в каждой из них находилось 2–3 человека, упоминавших о случаях личного знакомства с пропагандистскими материалами вербовщиков-исламистов или об аналогичных случаях, связанных с их знакомыми и друзьями.

Эксперты из числа сотрудников правоохранительных органов в качестве группы риска также отмечали лиц, совершающих правонарушения (неэкстремистской направленности): переход от «обыкновенной» преступной деятельности к экстремизму происходит довольно легко. По словам одного из экспертов, «от бандитизма до экстремизма – всего полшага».

В интервью с собеседниками, не относящимися к числу экспертов, обсуждение темы межконфессиональных отношений происходило с меньшей интенсивностью. Участники интервью часто указывали на отсутствие личного опыта межконфессиональных отношений: они не обсуждают религиозные дела со своими знакомыми и близкими и, соответственно, не сталкиваются с какими-либо различиями или противоречиями в этой сфере. О проблемах на почве религиозных

убеждений упомянули участницы одного из интервью в Ханты-Мансийске. Одна из них (башкирка, студентка) указала на то, что некоторые из ее сокурсников-мусульман иногда чрезмерно привлекают внимание окружающих к своей вере. Другая (кумычка, студентка) отметила, что ношение традиционного мусульманского костюма создает ей определенные неудобства: в дни праздников, гуляний и т. п. сотрудники полиции часто останавливают для проверки документов. Две участницы интервью в молодежных группах в Нефтеюганске и Сургуте (студентки, русские) негативно оценивали совершение намаза, которое происходило на их глазах в учебном заведении. Однако единодушно осуждения такой практики мы не наблюдали: некоторые соглашались с тем, что в школе или университете не следует проводить религиозные обряды; другие, напротив, утверждали, что это допустимо, «если не мешает остальным».

Повышенное внимание полиции к мужчинам кавказской внешности с бородой отмечали собеседники из числа народов Дагестана (об этом говорили скорее с иронией, чем с негодованием или раздражением).

В качестве отправного пункта в обсуждении проблем межконфессиональных отношений участникам интервью предлагалось оценить вклад различных религиозных общин в общественную жизнь города. Модераторы задавали ряд наводящих вопросов: «Насколько заметную роль в общественной жизни Вашего города играют религиозные организации? Знаете ли Вы (лично, из СМИ) представителей духовенства в Вашем городе? Как Вы считаете, представители каких конфессий ведут себя наиболее активно?»

Во всех интервью вне зависимости от состава участников наблюдалась схожая картина. Участники интервью не считают себя ревностными сторонниками какой-либо религии, посещают места отправления культа в основном в праздничные дни или по случаю совершения некоторых обрядов (крещение, отпевание, бракосочетание и т. п.) и не осведомлены о деятельности религиозных организаций за пределами этих мероприятий.

Присутствие религиозных организаций в общественной жизни своего города участники интервью замечают лишь в самых общих чертах: всем случалось видеть, что на различных городских мероприятиях присутствуют представители духовенства, среди которых, как правило, нет узнаваемых для них лиц. Не более 5–7 человек из всех, кто принял участие в интервью, заявили, что знают по имени или в лицо представителей местного духовенства. Двое участников интервью в Нефтеюганске (старшая группа) и один в Сургуте (старшая группа) отметили, что регулярно посещают мечеть, знают хазратов и имамов, две участницы интервью в Сургуте знают отца Антония. Один участник интервью с молодежью в Нижневартовске (азербайджанец, 22 года, мусульманин) сказал, что иногда общается с православным священником, служащим в храме по соседству («кажется, его зовут отец Николай»). Еще одна участница интервью в Сургуте заявила, что «вообще слышала только про того попа, который недавно попался в пьяном виде за рулем».

Во всех городах участники старшей возрастной группы отмечали присутствие свидетелей Иеговы. Иеговисты упоминались в неодобрительном контексте: все единодушно отмечали навязчивую манеру их уличного миссионерства.

Из общего ряда несколько выбивается серия интервью, проведенных в Нижневартовске. Во всех группах, собиравшихся в этом городе, собеседники отмечали активную общественную работу евангелистской общины «Слово жизни». В противоположность иеговистам, протестантская община Нижневартовска упоминалась исключительно в положительном ключе, отмечалась благотворительная работа, которую ведет организация (реабилитация наркозависимых, помощь сиротам, инвалидам, погорельцам). Симпатию собеседников вызывает также то, что община оказывает помощь всем, вне зависимости от религиозной принадлежности. Среди участников интервью также оказался житель, завивший о своей приверженности древнеславянским языческим верованиям. По его словам, он неоднократно организовывал или пытался организовать фольклорные мероприятия, направленные на популяризацию традиционной культуры и возрождение дохристианских верований, но такая его деятельность встречает противодействие со стороны местных властей.

Говоря о перспективах сохранения мирных отношений между приверженцами различных религий, участники единодушно возлагали надежды на сохранение по преимуществу светского стиля общественной жизни.

В ходе завершающей части интервью собеседникам предлагалось оценить влияние различных структур на состояние межэтнических и межконфессиональных отношений.

Безусловным антилидером общественного мнения в этом вопросе стали средства массовой информации. Первое, на что обращали внимание респонденты во всех группах, – стремление СМИ освещать ситуацию в межэтнических и межконфессиональных отношениях в сенсационном и скандальном ключе. Предметом внимания журналистов становятся конфликтные ситуации, что само по себе искажает реальную картину общественной жизни, и, кроме того, соответствующие сюжеты преподносятся публике в раздутом, преувеличенном виде. Причины конфликта могут заключаться в глубоких социальных противоречиях и лишь формально и даже слу-

чайно манифестироваться в качестве межэтнических [6, с. 122]. Такое положение вещей представлялось собеседникам закономерным: сенсационные факты привлекают внимание аудитории, позволяют журналистам лучше продавать свой товар.

Положительные моменты в межэтнических отношениях не привлекают такого пристального внимания публики (никому особо не интересна информация об очередном фестивале дружбы народов и т. п.) и освещаются более формально. В основном о них говорят официальные СМИ, которые, в свою очередь, неохотно касаются конфликтных ситуаций. Таким образом, в изображении одних СМИ реальность предстает как сплошной праздник, а других – как непрерывный конфликт. Золотая середина могла бы заключаться в честном и сдержанном освещении всех – как позитивных, так и негативных моментов общественной жизни. Впрочем, каким образом возможно достигнуть подобного равновесия, не ясно.

Особенно негативно воспринимается роль СМИ представителями национально-культурных организаций.

Значительно чаще звучали положительные оценки той работы, которую ведет система образования. Респонденты во всех группах отмечали мероприятия, которые проводятся в данной сфере в школе, в первую очередь всевозможные праздники и фестивали, занятия в игровой форме, которые имеют своей целью знакомство школьников с особенностями различных культур. Отмечалась положительная роль дополнительных занятий по русскому языку для детей, которые на момент поступления в школу не владеют им в достаточном объеме. О положительном вкладе школы в формирование нормальных, бесконфликтных межэтнических отношений, по мнению респондентов, говорит тот факт, что в школе, где ежедневно присутствуют дети самых разных национальностей, преобладают вполне мирные отношения. Деятельность педагогов снижает риск конфликтов, и наоборот: за пределами школьного коллектива они способны усиливаться.

Достаточно двойственную оценку получила деятельность национально-культурных организаций, диаспор, религиозных общин.

Религиозные лидеры, действуя публично, по мнению респондентов, играют исключительно положительную роль, поскольку призывают своих последователей к миру и согласию. Вместе с тем, как отмечал ряд собеседников, степень их влияния на настроения в обществе не так уж велика.

Роль национально-культурных объединений оценивалась собеседниками в основном положительно. Отмечалась помощь приезжим в обустройстве и социализации на новом месте. Благодаря такой поддержке процесс встраивания вновь прибывших в местное сообщество происходит успешнее и с меньшим количеством конфликтных ситуаций. Национальные организации выступают здесь как посредники между своими земляками и принимающим сообществом: помогают усвоить местные правила и обычаи.

Ряд участников интервью отмечал положительную роль национально-культурных организаций в работе с призывниками: благодаря их воспитательному воздействию проблемные призывники становятся мотивированы к соблюдению дисциплины и ответственному отношению к службе. Примечательно, что об этой стороне в деятельности национально-культурных организаций независимо друг от друга говорили респонденты, представлявшие национально-культурную автономию народов Дагестана (Сургут), и представитель одной из ветеранских организаций, работавший в военном комиссариате (Ханты-Мансийск) и имевший опыт взаимодействия как с национальными общинами, так и с призывниками, за которых они поручались. Деятельность в этом направлении, согласно их утверждениям, вошла в постоянную практику военкоматов и доказала свою эффективность.

Некоторые из участников интервью дали в основном негативную оценку деятельности диаспор. Они обосновывали это тем, что, по их мнению, национальные организации в основном отстаивают интересы своих активистов и в конфликтных ситуациях занимаются не столько умиротворением сторон, сколько поддержкой своих земляков. Такое негативистское отношение не встретило отклика у других участников. В большей степени было поддержано иное мнение: лидеры национальных общин своим авторитетом способны – хотя и не всегда – сдерживать некорректное поведение своих земляков.

Оценка деятельности властей и органов местного самоуправления вызвала определенные затруднения у участников интервью. Эта деятельность находится в основном за пределами их личного опыта, а ее результаты трудно оценивать. В группе экспертов оценка вклада властей в гармонизацию межнациональных отношений была более дифференцированной и предметной.

На уровне окружных структур деятельность по предотвращению межэтнических конфликтов происходит более успешно, чем на уровне муниципалитета. Это выражается в том, что профилактика межэтнических конфликтов ведется зачастую формально, чиновники стремятся провести мероприятия, которые неспособны повлиять на ситуацию, в муниципалитетах часто отсутствуют адекватный план работы в этой сфере и нормативные документы. У такого положения вещей, правда, есть и объективные предпосылки – нехватка материальных и людских ресурсов, специалистов с высокой квалификацией.

Полученная в ходе исследования картина общественного мнения выглядит следующим образом.

Межэтнические отношения представляются респондентам как в основном бесконфликтные и стабильные. Это проявляется в отсутствии открытых насильственных эксцессов и явного влияния «национального вопроса» на повседневные отношения людей, принадлежащих к различным этносам. Большинство собеседников не имеют личного опыта неприятных ситуаций, связанных с собственной национальной принадлежностью.

Факт многонациональности округа воспринимается большинством респондентов как данность и оценивается скорее положительно. Достаточно широко распространено согласие со следующей установкой: «мы все здесь приезжие, все поселились на землях ханты и манси, и друг перед другом у нас нет никаких привилегий». Разумеется, при этом высказывалась, хотя и реже, иная оценка: в интересах местных жителей необходимо ограничивать прибытие на территорию округа приезжих. Вообще же приезжим следует согласовывать линию своего поведения со стандартами, принятыми у местных (чего они не желают делать).

Представления о характере и содержании проблем в межэтнических отношениях у экспертов и рядовых граждан в целом совпадают. Круг этих проблем состоит из следующих основных элементов.

Конфликты на почве межэтнических отношений типичны в первую очередь для молодежной среды. Молодежь является группой риска в плане возможности вовлечения в экстремистскую деятельность и бытовые конфликты, имеющие национальный оттенок. Эти риски проявляются особенно часто в возрастном диапазоне 17–30 лет.

Сохраняется проблема распространения асоциального поведения в среде молодежи из числа народов Кавказа. Представители этой категории чаще других провоцируют конфликты, вызывают раздражение хулиганскими выходками. Наличие этой проблемы признавалось всеми респондентами из числа народов Кавказа, более того, в ходе интервью обсуждение соответствующих сюжетов инициировалось именно ими. Негативное впечатление, вызванное фактами, упомянутыми в предыдущем пункте, легко распространяется на народы Кавказа в целом, и вообще на «нерусских». В округе достаточно широко распространена практика дискриминации выходцев из Северного Кавказа и южных республик бывшего СССР при приеме на престижную и ответственную работу, на службу в органы правопорядка. Некоторые из работодателей изначально предвзято относятся к соискателям этой категории, считают их потенциальным источником проблем. В целом модель вхождения мигрантов на местный рынок труда, описанная участниками интервью, выглядит как типичная для богатых и экономически развитых принимающих сообществ. Капиталоемкий («первичный») сектор экономики оказывается для мигрантов труднодоступным, тогда как трудоемкий «вторичный» сектор принимает их весьма охотно. Закрепление за мигрантами по преимуществу места в сфере услуг становится фактором, ограничивающим интеграцию в принимающее сообщество, поскольку затрудняет вхождение в стабильные трудовые коллективы с высоким уровнем гарантии сохранения за работником его места и вытесняет их в сектор, для которого типичны текучка кадров и, соответственно меньшие возможности для формирования устойчивых связей по месту трудоустройства. Более выгодная модель трудовых отношений, как правило, доступна мигрантам, которые располагают средствами для создания собственного бизнеса. Такая модель трудовых отношений описана и на материале стран ЕС [7, р. 66].

Межконфессиональные отношения реже попадают в сферу внимания респондентов из числа рядовых граждан. Это связано с преобладанием в повседневной культуре светских элементов и сравнительно малой заинтересованностью людей в традиционных формах отправления культа (молитва, соблюдение обрядов, постов, посещение церемоний в культовых местах, общение с духовенством и т. п.). Участники интервью неоднократно отмечали раздражение, которое у них вызывает демонстративное проявление религиозности. Чаще всего такая линия поведения связывалась с мусульманами и свидетелями Иеговы.

Представляется, что работа, которую ведут окружные власти в вопросах межэтнических и межконфессиональных отношений, соответствует фактическим потребностям момента. Это касается таких уже традиционных направлений, как взаимодействие с национально-культурными организациями, использование ресурсов школы и религиозных организаций. В совершенствовании нуждается организация деятельности местного самоуправления: по всей видимости, у местной администрации есть потребность в методической подготовке сотрудников, занятых в соответствующей сфере. Более пристальное внимание следует уделить обозначенным выше проблемам, которые представляются важными для жителей ХМАО – Югры.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-411-860001.

2. Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы : электрон. науч. журн. 2016. № 2. С. 5–31. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_30/8672-popkov.html (дата обращения: 28.10.2018).
3. Дмитриев А.В., Воронов В.В., Михайлова Е.А. Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 97–124. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.06>.
4. Мархинин В.В., Удалова И.В. Динамика этносоциальных процессов в Югре: влияние миграции (по материалам социологических опросов 2004–2014 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, № 2. С. 89–96.
5. Мархинин В.В. мл., Пуртова В.С., Ушакова Н.В. Этноконфессиональная идентичность молодежи: предпосылки развития и преодоления межнациональных конфликтов // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 1 (35). С. 74–78.
6. Мартынов М.Ю., Пуртова В.С. Межэтническая конфликтность vs гражданская идентичность // Север России: стратегии и перспективы развития : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. : в 3 т. Сургут, 2017. Т. III. С. 122–125.
7. Teravcevic S. Immigrant Entrepreneurship in Post-Socialist Countries of the European Union: Motives and Patterns of Entrepreneurship of Post-Soviet Immigrants in Hungary // *Migracijske i etničke teme = Migration and Ethnic Themes*. 2017. Vol. 33, no. 1. P. 65–92. <https://doi.org/10.11567/met.33.1.3>.

References:

Dmitriev, AV, Voronov, VV & Mikhaylova, EA 2017, 'Predictive Modelling of Inter-Ethnic Relations in Russian Regions Based on the Analysis of Identity Strategies of Diaspora and Ethnic Communities', *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6, pp. 97-124. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.06>.

Markhinin, VV & Udalova, IV 2015, 'The Dynamics of Ethnic and Social Processes in Ugra: the Impact of Migration (Based on Sociological Surveys of 2004-2014)', *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, vol. 13, no. 2, pp. 89-96, (in Russian).

Markhinin, VV Jr, Purtova, VS & Ushakova, NV 2017, 'Ethnic and Confessional Identity of Young People: the Prerequisites for the Development and Overcoming of Ethnic Conflicts', *Severnyy region: nauka, obrazovaniye, kul'tura*, no. 1 (35), pp. 74-78, (in Russian).

Martynov, MYu & Purtova, VS 2017, 'Interethnic Conflict vs. Civil Identity', *Sever Rossii: strategii i perspektivy razvitiya: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf.*, in 3 vols., Surgut, vol. 3, pp. 122-125, (in Russian).

Popkov, YuV 2016, 'Ethnic and Social Processes in Siberia: the Current Theoretical and Practical Issues', *Novyye issledovaniya Tuvy: elektron. nauch. zhurn.*, no. 2, pp. 5-31, viewed 28 October 2018, <https://www.tuva.asia/journal/issue_30/8672-popkov.html>, (in Russian).

Teravcevic, S 2017, 'Immigrant Entrepreneurship in Post-Socialist Countries of the European Union: Motives and Patterns of Entrepreneurship of Post-Soviet Immigrants in Hungary', *Migracijske i etničke teme (Migration and Ethnic Themes)*, vol. 33, no. 1, pp. 65-92. <https://doi.org/10.11567/met.33.1.3>.